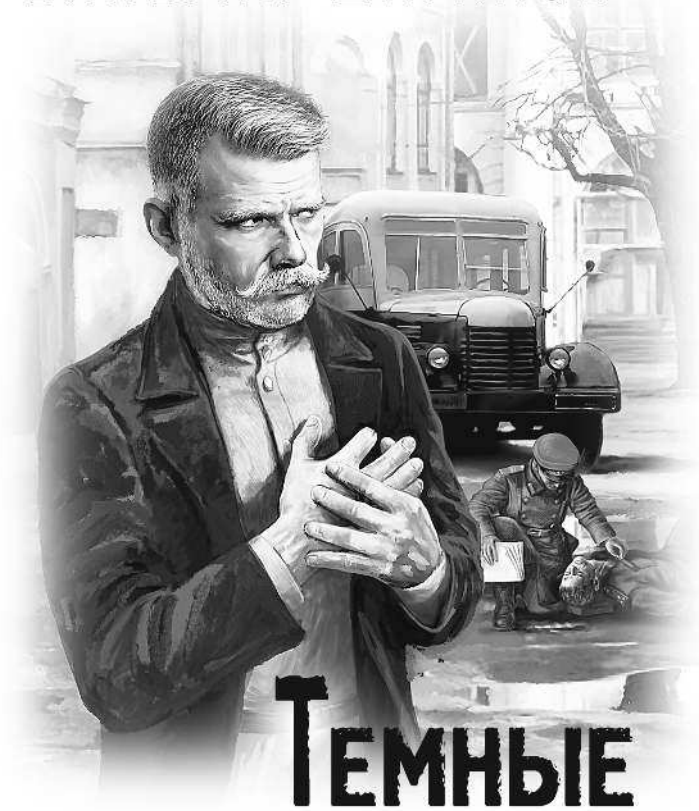

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-ГО**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**ТЕМНЫЕ
МОСКОВСКИЕ
НОЧИ**

МОСКВА 2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

В оформлении переплета использована
работа художника *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Темные московские ночи / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.
ISBN 978-5-04-112413-7

В послевоенной Москве неизвестная банда совершает нападения на одиноких прохожих. Одной из жертв налетчиков стал отставной подполковник НКВД. Бандиты жестоко убили его и дочиста ограбили. Сыщики МУРа Иван Старцев и Александр Васильков обращают внимание на особую примету погибшего — отсутствие двух фаланг на указательном пальце правой руки. Точно такая же травма была у сослуживца Василькова, убитого при странных обстоятельствах в 1943 году таким же способом. Что это — случайное совпадение или почерк выжившего на войне убийцы? Страшная разгадка не заставила себя ждать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112413-7

ПРОЛОГ

*Центральный фронт,
западнее Рыльска
Июль 1943 года*

Видимость в густом лесу была отвратительной. Курочкин, двигавшийся впереди, порой заходил в такие дебри, что совершенно терялся из виду. С десяти шагов не разглядеть, да и не услышать. Он перемещался совершенно бесшумно, словно на ногах у него были не солдатские ботинки, а мягкие войлочные тапки. Поэтому бойцам, шедшим следом, иной раз приходилось лишь догадываться о том, куда он подевался.

Курочкин был невысок ростом, но крепок и жилист. Природа наделила его такими качествами, как вдумчивость, внимательность, осторожность. В мирной жизни он легко стал бы прекрасным охотником, если бы этого пожелал. А на войне отцы-командиры быстро разглядели эти его способности и определили мужика в разведку.

Яркое июльское небо хорошо освещало верхушки высоких осин и кражистых дубов, но пространство под кронами растворялось

в густом полумраке. У оснований древесных стволов разрастались лещина, жимолость, бересклет, шиповник. Красота! Вот только любоваться ею в разведке не пристало.

Капитан Александр Васильков наконец-то заметил впереди застывшую фигуру сержанта, успокоился, остановился и отхлебнул из фляжки. Уже с полчаса его одолевала жажда, левая рука трижды порывалась снять с пояса флягу, да всякий раз что-то мешало, отвлекало. Вот и последние несколько минут ему пришлось искать Курочкина, исчезнувшего из поля зрения. Вроде только что мелькала в листе его спина в насквозь пропотевшей гимнастерке и вдруг растворилась в серо-зеленой мешанине.

Курочкин дело знал, за полтора года службы в разведке не раз проникал за линию фронта и участвовал в рейдах по немецким тылам. Ежели он остановился и застыл, стало быть, впереди не все гладко.

Командир опять позабыл про желание испить водицы. Он машинально прицепил фляжку к поясному ремню, оглянулся и попытался узреть в зарослях своих бойцов. Основная часть группы следовала за ним на дистанции пятнадцать-двадцать метров.

Он не стал набирать в этот рейд многочисленную группу. Через линию фронта на сей

ТЕМНЫЕ МОСКОВСКИЕ НОЧИ

раз отправились восемь душ. Впереди шел Курочкин, Васильков шагал следом. Позади командира держались шестеро новичков.

Да, к сожалению, служба в разведке предполагала жуткую текучку кадров. Несколько дней назад при возвращении с задания серьезные ранения получили капитан Старцев и одессит Сидоренко. Обоих отправили в госпиталь, а в группу добавились новички.

Одним из таких людей был старший лейтенант Николай Точилин, командир взвода из соседнего полка. Он давненько просился в разведку, писал рапорты и даже лично обращался к Василькову. Но ротного в нем что-то настораживало. То ли заторможенность — он любил подолгу подумать, порассуждать, — то ли шаблонное мышление, что в службе фронтового разведчика совершенно не поощрялось. Вроде неплохой, умный парень, без явных недостатков, но не для этого дела.

А тут прижало. За последний месяц рота Василькова понесла большие потери. Пришлось ему закрыть глаза на мелочи и попросту брать тех, кто горел желанием.

Все шестеро, включая Точилина, были на месте, в нескольких метрах от командира. Капитан подал им сигнал об усилении внимания и принялся наблюдать за сержантом. Чуть согнув спину, тот стоял под ветвями высокого

кустарника и медленно поворачивал голову то влево, то вправо. Это означало, что его тонкий слух уловил какие-то звуки. Теперь Курочкин определял направление, искал их источник.

«Впереди дорога», — вскоре пояснил он жестами и вопросительно поглядел на Василькова.

Вместо ответа тот вплотную приблизился к сержанту и шепотом спросил:

— С чего ты взял? На карте не обозначено никаких дорог.

— Помню, что не обозначено. Но поначалу слышал немецкую речь. Будто двое идут и негромко бубнят меж собой, — пояснил Курочкин. — А потом чуть левее и дальше затахтел мотоциклетный мотор. Неужто вы не слышали?

Лишний раз подивившись хорошему слуху сержанта, командир мотнул головой и ответил:

— Нет.

Он тотчас насторожился.

Дуновение легкого ветерка принесло едва различимый стрекот. В паре сотен метров от них действительно проезжал мотоцикл.

После крупнейшего танкового сражения в районе станции Прохоровка, в центре и на южном фесе Курской дуги случилось

ТЕМНЫЕ МОСКОВСКИЕ НОЧИ

затишье. Стороны воспользовались передышкой и спешно занялись перегруппировкой сил.

Минувшей ночью разведчики капитана Василькова скрытно пересекли линию фронта, продвинулись на юго-запад и еще затемно вошли в густые леса между Рыльском и Казачьей Каменкой. По мнению начальника разведки 60-й армии, где-то в этих лесах разместился штаб 13-го армейского корпуса 2-й армии вермахта. Советскому командованию позарез требовались свежие данные по составу корпуса и его вооружению.

В июле 1943 года 2-я армия вермахта состояла всего из двух корпусов: 7-го и 13-го. Казалось бы, невелика сила. Однако, по данным советской разведки, оба корпуса недавно прошли переформирование, возможно, получили пополнение в виде живой силы, техники и новейшего вооружения. Иначе вряд ли немецкое командование доверило бы этому соединению оборону самого ответственного участка на дугообразной линии фронта, протянувшейся от Малоархангельска до Волчанска.

Так или иначе, но все эти предположения перед началом масштабного наступления требовалось опровергнуть либо подтвердить. По этой причине минувшей ночью по тревоге

была поднята рота разведчиков. Василькову поставили задачу, дали сорок минут на формирование группы, завтрак, сборы и отправили за линию фронта добывать языка.

— Точно дорога. Видать, совсем свежая, — медленно отодвинув ветку куста, прошептал Курочкин.

— Недавно расчистили, — согласился командир. — Часть стволов попилили, а кустарник пригладили танками. Видишь ближе к краю следы гусеничных траков?

Так и было. Широкою рокаду немцы делать не стали, дабы не светить ее перед нашими самолетами-разведчиками. Убрали только мешавшие деревья, остальные не тронули, чтоб не размыкать густые кроны. Сваленные стволы распилили на двухметровые чурбаки и растащили по разные стороны, обозначив ими границы проезжей части. В грунте и свежих опилках уже обозначилась колея от автомобильных и мотоциклетных колес.

Поколдовав над картой, Александр Васильков хотел было приказать двигаться дальше, да тут заметил, как тяжело дышит Курочкин.

— Устал? — спросил он.

— Ерунда, — ответил тот и поморщился. — Мне бы еще пяток минут отдышаться, и можно спокойно топать дальше.

Лидеру, идущему впереди, всегда приходится тяжелее, чем бойцам из общей группы. Зрение и слух напряжены до предела, каждая мышца работает на то, чтобы передвижение оставалось бесшумным и незаметным, внимание на все триста шестьдесят градусов. Другие что, им полегче. Человек, идущий вторым, следит за лидером, замыкающий поглядывает назад, остальные секут по сторонам и двигаются общим гуртом.

Васильков тяжело вздохнул и опять вспомнил про друга Ивана. Как же порой не хватало Старцева, валявшегося сейчас по госпитальным палатам! Не повезло Ваньке. Да еще как! Нogu осколками мины разворотило так, что врачи наверняка ее отнимут.

Командир провел ладонью по лицу, отогнал невеселые воспоминания и распорядился:

— Дуй к основной группе. Я подменю тебя на полчаса.

— Понял, — сказал Курочкин и осведомился: — Куда двинем? Влево или вправо?

— Влево, на юг. Не приближаясь к рокаде. Думаю, то, к чему она проложена, находится именно там.

Дорога привела разведчиков к неглубокому овражку, на дне которого был разбит лагерь. Десяток армейских палаток различной

вместимости, полевая кухня, пара землянок и беспрестанно урчащий дизель-генератор. Грунтовка обрывалась на стоянке, обустроенной перед лагерем. Здесь находились несколько мотоциклов, два легковых автомобиля и грузовичок, видимо, подъехавший сюда совсем недавно. Нижние чины вытаскивали из кузова мешки, коробки, ящики. Возле автомобилей и у двух центральных больших палаток прохаживались часовые. Рядом с кухней суетился повар.

Овражек настолько зарос высокими деревьями и кустарником, что все это хозяйство, утопающее в густой тени, не заметил бы ни один пилот самолета-разведчика. Да что там пилот! Даже глазастый и умудренный опытом Васильков увидел лагерь, только подобравшись к нему едва ли не вплотную. Для пущей надежности немцы натянули поверх брезентовых жилищ камуфляжные сетки, а к периметру лагеря притащили огромные кусты, срубленные где-то поодаль.

— Серьезно замаскировались, — вполголоса проворчал Курочкин.

Командир молча кивнул.

— Только я, значит, одного не пойму, Александр Иванович, — продолжал сержант. — Чего же патруль-то по лесу не рыщет? Не похоже на осторожную немчуру. Как думаете?

— Зачем им здесь патруль? Они уверены в своей безопасности, — проговорил Васильков.

— А сколько мы отмахали от линии фронта?

— Километров двенадцать.

— Тогда понятно. Некого им тут опасаться.

Несколько часов назад, перед тем как войти в этот лес, разведчики засекли на его южной опушке немецкие танки. После подсчета вылезла круглая циферка — тридцать пять штук. Целый батальон! Вдоль северной опушки разместилась другая техника: грузовики, дивизион легких артиллерийских орудий. Там же маячила и пехота в количестве никак не менее двух батальонов. Скопление войск плюс скрытность, с которой был обустроен штаб, и впрямь придавали немецкому командованию уверенность в абсолютной безопасности.

Основная группа разведчиков расположилась метрах в пятидесяти от оконечности дороги. Васильков с Курочкиным подобрались поближе к противнику, убедились в отсутствии патрулей и наблюдали за всем тем, что происходило в лагере и на стоянке.

Начальник разведки 60-й армии не ошибся. Палаточный лагерь, разбитый посреди леса, действительно ой как походил на полевой штаб крупного немецкого войскового соединения, корпуса или как минимум дивизии.

Над одной из палаток торчало множество радиоантенн, провода опутывали стволы ближайших деревьев. В другой, вероятно, размещался оперативный отдел. Третья служила для приема пищи, а в четвертой прямо сейчас явно происходило совещание. Время от времени из нее выходили старшие офицеры, негромко переговаривались, курили.

В такие моменты Александр скрипел зубами, настолько хотелось ему захватить одного из них. Ведь приволочь из разведки такую важную птицу было бы огромной удачей. Однако рисковать своими людьми он не собирался. В этой ситуации действовать нагло, полагаясь на внезапность и скорость, было безрассудно. Сил у противника здесь сконцентрировано прилично. Немчура мигом окружит лес, прочешет его, и все, поминай как звали. А Васильков хотел не только выполнить боевую задачу, но и сохранить жизни своим подчиненным.

Через час скрытного наблюдения он убедился в том, что выкрасть языка с территории полевого штаба не удастся. Слишком уж в лагере былолюдно, оживленно. Двое часовых торчали у палаток, возле кухни маячил повар с помощником, несколько солдат возились у землянки, служившей складом. Из узла связи периодически выскакивал младший офи-

цер и легкой трусцой бежал в большую палатку с очередной радиограммой, принятой только что. Туда же с рулоном карт часто нырял тучный майор из палатки, где размещался оперативный отдел.

Зато после отъезда грузовика на стоянке неожиданно наступила тишина. На небольшой площади по-прежнему отдыхали мотоциклы и пара легковушек, но уже не было ни одной живой души. Видимо, часовой там появлялся только на время разгрузки изредка подъезжавших автомобилей.

Александр тотчас подметил эту перемену.

«От стоянки до палаток метров сорок, не меньше. Если подстеречь там приехавшего фашиста, аккуратно тюкнуть его по башке и смыться с ним в чашу, то дело выгорит», — решил он.

По приказу Василькова группа перераспределилась. Курочкин и новичок Точилин заняли позицию недалеко от стоянки. Когда от нее отъедет мотоцикл или легкой автомобиль, они должны будут подать сигнал Жарову. Рядового Жарова капитан посадил метрах в сорока от Курочкина и приказал не спускать глаз с товарищей. Остальные бойцы залегли по обе стороны от дороги, еще дальше от полевого штаба.